

Ю. С. Подлубнова
Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Объединенный музей писателей Урала,
г. Екатеринбург

Газета «За Магнитострой литературы» и литературное движение на Урале в 1932–1933 гг.

Первый номер газеты «За Магнитострой литературы», органа Уралобкома ВЛКСМ и Оргкомитета Союза советских писателей (изначально Уральской ассоциации пролетарских писателей — УралАППа), вышел в Свердловске 28 апреля 1932 г. Руководитель УралАППа Н. Харитонов писал: «Уральской организации пролетарских писателей придется проделать огромную работу для того, чтобы стать на уровне тех задач, которые поставлены перед ней партией, гигантским разворотом социалистической стройки на важнейшем участке Урало-Кузбасса» [Харитонов, с. 8]. Тем самым он озвучил обновленный курс УралАПП на обслуживание производственного заказа эпохи с ее идеей объединения производственных мощностей Урала и Кузбасса и создания 2-ой угольно-металлургической базы в стране. Что же удивляться, что вскоре организованная литературная газета получила производственное название?

Однако «Магнитострой литературы» как прагматически ориентированная метафора не был уральским изобретением. Известно, что на четвертом пленуме РАППа, прошедшем в конце 1931 г., одним из ораторов было высказано пожелание, чтобы «пролетарское литературное движение быстрее смогло осуществить ту путевку, которую партия вручила РАПП: “создать Магнитострой литературы”, создать произведения, достойные нашей величайшей эпохи!» [За Магнитострой, с. 4–5]. Магнитострой в подобном контексте выступал символом развернувшихся процессов индустриализации, грандиозным проектом, воплощаемым ускоренными темпами в жизнь. Тожественной грандиозности ждали от литературы подхватившие лозунг де-

атели РАППа, сделавшие ставку «на оформление непрофессионального литературного творчества рабочих в “могучий” канал трансляции ценностных норм “нашей идеологии” в массовое сознание» [Милюкова].

Передовица пилотного номера свердловской газеты гласила: «Газета должна стать организатором широкого творческого соревнования литературных организаций и различных творческих группировок Урало-Кузбасса, боевой трибуной творческих дискуссий, непримиримым бойцом против кастовой замкнутости, групповщины, администрирования, отрыва от политических задач современности <...>

За боевое выполнение решений ЦК ВКП (б)!

За генеральную линию партии!

За Магнитострой литературы!» [На высший этап, с. 1].

Очевидно, что газета брала на себя функцию официального рупора УралАПП и распорядителя литературного движения на Урале и — в перспективе — на Урало-Кузбассе, мыслящемся в духе утопических проектов эпохи как литературный центр, лаборатория пролетарской литературы.

Появление первого номера газеты в апреле 1932 г. обозначило еще один важный процесс, запущенный постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», основными пунктами которого стали ликвидация РАППа и объединение советских писателей в союз. Только что перестроившая работу Уральская ассоциация должна была включиться во всесоюзную перестройку литорганизаций и самоликвидироваться. Уже в шапке четвертого номера газеты УралАПП заменили на Оргкомитет СП, который в региональной его части возглавил тот же Н. Харитонов, — суть и функционал руководства литературой не поменялись. Уральский оргкомитет СП унаследовал уралапповскую идею создания литературного центра в регионе и частично отстроенную сеть рабочих групп и кружков на предприятиях. С помощью газеты и в целом возвращаемого и поддерживаемого института региональной литературной критики Оргкомитет продолжил внедрение политики в культуру, по сути, проведение политических акций, ибо, как формулировал один из руководителей РАППа В. Ермилов, «Пролетарская литература должна иметь такую критику, которая не будет плестись в хвосте

литературных процессов, а будет активно руководить ими» [Ермилов, с. 240].

Само апрельское постановление ЦК ВКП (б) было напечатано на первой полосе только появившейся газеты, упоминалось в каждом номере 1932 г., превратившись в своего рода официальный фактор, легитимирующий руководящую деятельность как Оргкомитета СП, так и его печатного органа.

По сути, газета, с одной стороны, отражала литературную жизнь региона во всем ее регламентированном многообразии, с другой — по мере своих возможностей формировала ее. Тираж издания колебался в районе 2–5 тыс. экземпляров, охватывая не только 1,5 тыс. ударников, о которых говорилось в передовице первого номера, но и тех, кого УралАПП, а затем Оргкомитет СП планировали привлечь к литературной деятельности, в том числе представителей региональных властей и руководителей производства, где функционировали или могли быть организованы литкружки — шел во многом бюрократический процесс сшивания литературного поля региона.

Напомним, что специфика работы региональной АПП и Оргкомитета СП состояла в большей степени в организации и курировании литературных групп и кружков на предприятиях. В каждом номере «За Магнитострой литературы» публиковались материалы обзорного характера, будь то обзор творчества Златоустовской АПП (1932, № 1), Челябинтраскторстроя (1932, № 3), деятельности литгруппы Уралмаша (1932, № 3), кизеловской группы (1932, № 5, 6) и т. д. Материалы подобного рода позволяли ячейкам выстраиваемой литературной сети отражать другие ячейки и осознавать свою включенность в общую сеть. Мобильный формат газеты, выходящей без особой периодичности 2–3 раза в месяц, в этом отношении имел большой потенциал для создания ощущения единого производственно-литературного пространства, что отличало его от формата толстого журнала (см. ежемесячный свердловский «Штурм»), нацеленного на публикацию в первую очередь художественных текстов.

При этом газета неизменно осуществляла ротацию элементов сети. Скажем, в одних и тех же номерах могли выделяться передовые литературные группы (Магнитогорск, Златоуст, Уралмаш и пр.) и стигматизироваться отстающие. Так, в разделе новостей № 2 за 1932 г. читаем: «Ничего не делает для созда-

ния истории заводов Кизеловская АПП. Руководство отговаривается тем, что, дескать, актив очень разбросан, и не принимает мер к установлению регулярной связи...». Или более серьезная критика: на первой полосе № 6 за 1932 г. отмечалось, что Тагил, Лысьва, Кыштым, Березники, Викулово «слабо реализуют постановление Уралобкома» о перестройке литературных организаций на Урале. Предполагалось, что указание газеты на отставание в той или иной сфере должно быть воспринято конкретными кружками или их кураторами от власти как прямое руководство к действию по устранению недочетов. Формы указания, в свою очередь, были разнообразны: от новостей до критических разборов, от полномасштабных статей до «писем с мест». Газета позволяла литературному руководству области обозначать зоны неблагополучия и влиять в том числе на представителей власти на местах.

Помимо прочего, руководство группами и кружками требовало от уральской писательской организации проведения смотров и обследований, материалы которых неизменно наполняли содержательную часть газеты. Например, в сентябре 1932 г. представитель Оргкомитета СП РСФСР Батманов обследовал всю региональную литературную организацию и озвучил результаты на расширенном региональном пленуме. «Что происходит на Урале после постановления ЦК? Я не ошибусь, если скажу, что на Урале наметился, определился такой размах творчества, которого не знает ни один край Союза. <...> В этом отношении состояние литературной организации Урала — чрезвычайно хорошее» [Урал должен стать..., с. 1]. Показателями успеха в данном докладе, поддерживающем проект создания литературного центра на Урале, стали большое количество материалов, присланных в редакции региональных журналов, и доминирование в них производственной тематики. Любопытно, что наиболее провальными местами в работе уральского оргкомитета Батманов посчитал недостаточную помощь литкружкам и в целом неинтенсивную литературно-критическую деятельность в регионе. А ведь именно для осуществления этой деятельности была создана специализированная литературная газета в Свердловске, влияние которой должно было ощущаться по всему Уралу.

Про «За Магнитострой литературы» Батманов сказал: «В литературной газете самые главные недостатки — слабое

освещение практической работы на местах, отсутствие редакционного плана» [Там же].

Тем не менее, сложно согласиться с Батмановым по поводу слабого освещения практической работы на местах — именно этим преимущественно и занималась свердловская газета. Но редакционного плана у нее, действительно, не было, ибо «За Магнитострой литературы» четко следовала повестке, предлагаемой руководителями литературного движения, формирующейся на пересечении всесоюзных тенденций и запросов региональных властей.

В связи с заявленной руководящей ролью тематический охват издания был предельно широк. В центре внимания оказывались целые области уральской литературы, как, например, детская литература (см.: П. Соломеин «Шире развернуть смир детской литературы» в № 2 за 1932 г., К. Рождественская «Детям — художественную книжку» в № 5 за 1933 г. и т.д.); оборонная литература («Художественную литературу — на защиту Страны советов» без подписи в № 8 за 1932 г., В. Пястов «Писатели Урала! Помните о призыве в РККА!» в № 11 за 1932 г., «Писатели к юбилею Красной Армии» без подписи в № 3 за 1933 г. и т.д.); драматургия и театральное искусство («Открытое письмо коллективу Свердловского ТРАМа» от делегатов уральского критического совещания в № 2 за 1932 г., Ю. Исаков «Заговорить во весь голос. Об уральской драматургии» в № 6 за 1933 г. и т.д.). Здесь же освещалась деятельность Областного государственного издательства (В. Бойцова, К. Огнева «Повернуть ОГИЗ лицом к гиганту» в № 4 за 1932 г., «За высокое качество продукции УралГИЗа» без подписи в № 15 за 1932 г., «Рамки тесны» без подписи в № 17 за 1932 г.), ставились вопросы развития уральской критики и публиковались рецензии на журналы и книги.

Сами материалы газеты зачастую представляли собой «критику прямого политического действия»¹ (мы не будем рассматривать художественные тексты, которые иногда по-

¹ «Особенность рапповской критики состояла в том, что она была не просто критикой прямого политического (а нередко — и террористического) действия, какой вообще была критика революционной эпохи, но критикой, опиравшейся на партийно-государственные институты» [Добренко, с. 157].

являлись на ее страницах). Это определило востребованность триады «отчет, призыв и директива», обусловившей жанрово-интенциональное своеобразие газетных текстов, иногда, впрочем, разбавляемое инвективами. О чем бы не сообщалось в «За Магнитострой литературы» — о производственном совещании критиков, о приезде на Урал зарубежной делегации писателей во главе с Л. Арагоном, о необходимости поддержки проекта «История Гражданской войны», о постановке пьесы «На гора» в Свердловском ТРАМе и т.д., — материалы были отмечены перформативностью, заданной сложившимся в рамках рапповской критики прагматизированным дискурсом. К примеру, о слабом звене — уральской критике — в преддверии того совещания критиков в апреле 1932 г. А. Ладейщиков писал: «До сих пор на Урале не было подлинно боевой, большевистской литературной критики, несмотря на то, что в УралАПП имелись довольно квалифицированные силы (члены кафедры литературы УКУ). <...> В Свердловске имеются возможности создать серьезный критический актив» [Ладейщиков, с. 2]. «Критик должен и обязан бороться за идейную непримиримость, за высокое качество нашей литературы, за методы этой борьбы...» — подчеркивалось в другой статье, помещенной на первой полосе № 19.

Директивно-руководящий характер газеты наиболее очевидно проявил себя в проведении ряда литературно-политических кампаний, отвечающих запросам времени. Пример тому — интенсивная кураторская работа по реализации в регионе горьковского проекта «История фабрик и заводов», запущенного осенью 1931 г. и полноценно развернувшегося в 1932 г. Как провозгласил сам Горький, обращаясь к самым широким массам, «“История заводов и фабрик” — это будет история вашего труда в прошлом и настоящем. Эта работа должна развить и укрепить сознание того факта, что вы — единственные хозяева вашей страны, что вы строите, строится вами для самих себя, для полного удовлетворения всех ваших потребностей, для развития в Союзе Советов новой, вами создаваемой социалистической культуры» [Горький]. Таким образом обозначалась политическая прагматика проекта, а его реализация имела прямое политическое значение, что подчеркивалось и в специальном Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) (см.: [Об издании...]). На Урале, имеющем и горнозаводскую идентичность и

существенное революционное прошлое, проект был воспринят с энтузиазмом, поддерживаемым, впрочем, поставленными региональной властью целями. Уже в первом номере «За Магнитострой литературы» публикуется статья журналиста и писателя А. Маленького (Попова), в которой приводится подробный план действий по созданию истории Надеждинского завода. Статью сопровождает фрагмент одной из глав книги. На этой же странице помещена информация о решении Сталинского райкома ВПК (б) о создании истории Уралмаша.

По сути, реализация горьковского проекта, воспринимаемого как прямая политическая задача, освещается практически в каждом номере газеты. № 2: постановление партконференции ВИЗа о создании истории завода. № 3: литкружковцы УМЗ Набоков и Мулев обещают усилить работу по истории фабрик и заводов; на другой странице — отрывок из вступительной главы «Истории Надеждинского завода». № 4: статья М. Горького «Ускорить создание “Истории заводов”» и т. д. Программными для уральской части проекта становятся статья Н. Харитонов «Создать историю заводов Урала» в № 9 за 1932 г. и доклад Н. Шушканова «Напишем большую историю заводов» в № 1 за 1933 г.

Из обзорной статьи Н. Харитонов известно, что помимо надеждинцев и уралмашевцев за историю заводов взялись рабочие Златоуста, Кыштыма, Невьянска, Юрюзани, Первоуральска. Надеждинск, Златоуст, Уралмаш и ВИЗ оказались литературными передовиками, именно на них сделало ставку руководство Оргкомитета СП на Урале. Публикацию доклада Н. Шушканова, «органически» влившегося в проект в январе 1932 г. и работавшего вплотную с М. Горьким (см.: [Быстрова]), предваряет размещенное на первой странице газеты Постановление Секретариата Уралобкома ВКП (б), расценивающее создание «Истории фабрик и заводов» как массовую политическую кампанию, имеющую к январю 1933 г. неудовлетворительный результат, и призывающее приложить особые усилия по созданию истории заводов тех же Надеждинска, Златоуста, и — новая задача, поставленная перед уральцами непосредственно М. Горьким, — Магнитогорска. Н. Шушканов подчеркивает: «Если не будет написана история Магнитогорского завода, это будет означать, что Урал не сделал главного, что Урал почти ничего не сделал».

В целом в своем докладе Н. Шушканов, по совместительству автор очерков по истории Златоустовского завода, делает обзор всесоюзных результатов проекта и разбирает невысоко оцененные Уралобкомом результаты. Писатель указывает на легковесную и «залихватскую» работу некоторых региональных авторов (это пока не касается А. Маленького), но неожиданно выделяет автобиографический текст старой работницы А. Коревановой, обозначая его как «изумительной силы документ». Между тем, именно «Моя жизнь» А. Коревановой, впервые опубликованная в свердловском журнале «Штурм» в 1933 г., будет замечена и отредактирована М. Горьким, а затем выпущена в серии «История фабрик и заводов» в 1936 г. тиражом 30 тыс. экземпляров, наряду с тагильскими «Былями горы Высокой» (рассказы рабочих Высокогорского железного рудника), увидевшими свет даже раньше, в 1935 г., но практически оставленными без поддержки газеты.

Содержательно-прагматическую повестку газеты определили и менее масштабные литературно-политические кампании. Так, еще одной кампанией, проявившейся на страницах издания, становится массированная критика литературного отделения Пермского педагогического института. Например, в № 3 за 1932 г. опубликован доклад Крементьева (вероятно, в газете опечатка, доклад мог сделать критик и свердловский преподаватель Н. Клементьев) «Литературное дело — общепролетарское дело» с подзаголовком «Изгнать Горбачевых, Лежневых, Рыбниковых из учебных программ. Создать на Урале кузницу большевистских теоретических кадров литературы», в котором ставится вопрос о подготовке педагогов-преподавателей литературы и языка. Задача для Свердловска весьма актуальная. К. Боголюбов вспоминает, в каком авральном режиме работал свердловский комвуз в 1920–1930-е гг. (см.: [Боголюбов, с. 83]). Пермский институт в докладе Крементьева обозначается не как крупнейшее на Урале учебное заведение, имеющее мощные традиции преподавания, а как прибежище «реакционеров всех мастей». «Проф. Богословский — ярый реакционер, — снятый сейчас с работы, протаскивал контрреволюционные, кулацкие идеи в сборниках, посвященных фольклору. В Перми долго работал профессор Василий Гиппиус, буржуазный формалист, совершенно открыто не

признававший марксистского литературоведения, марксистской теории. Работает в Пермском институте профессор Бочкарев, идеалистические программы которого получили очень жесткую критику». «Совершенно ясно, — указывается далее, — каково было качество преподавания в этом институте. И далеко не случаен тот факт, что наш литературный журнал «Штурм» получает сейчас из Перми идеологически вредные стихотворения и рассказы».

Идеологически вредный результат из Перми не заставил себя долго ждать. В № 17 за 1932 г. появляется рецензия И. Бахтатова на сборник Пермского союза советских писателей «Призыв», где высказывается негодование по поводу состава сборника, в котором помимо текстов литударников были опубликованы произведения товарищей Эсаулова и Коновалова из Пермского пединститута. Про повесть Эсаулова «Пылающие дни» И. Бахтатов говорит следующее: «Мы совершенно не сомневаемся, что товарищ Эсаулов, являющийся одним из активных работников Пермской писательской организации, не собирался вызвать ... сочувствие белым <...> Но его политическая нечуткость и неграмотность привела к тому, что он написал повесть с вредным и ненужным для нас содержанием». Таким образом, Пермский пединститут еще раз маркируется как оплот реакции на Урале и приобретает репутацию литературного врага, с которым необходимо и в конечном счете выгодно вести войну — враг не обладает инструментами власти, он политически слаб.

Отголоски этой войны встречаем и в номерах 1933 г. (№ 3 и 4), где речь снова заходит о сборнике «Призыв» и попытках защитить его в газете «Большевистская смена» аспирантами литературного отделения Пермского пединститута М. Ощепковым и Н. Пановым. Против них выступает свердловский критик и преподаватель И. Астахов, усомнившийся в умении аспирантов разбираться в литературе. «Пермское дело нужно сделать показательным и в смысле необходимости улучшения партийного руководства участием литературы, и в смысле руководства газет...» [В порядке дня, с. 1], — резюмировал выступление И. Астахова Н. Харитонов, придавая тем самым некую целостность литературно-политической кампании. Вся эта полемика свидетельствовала об очевидном нежелании Свердловска, отстраивающего свои вузы, иметь образованных конкурентов на

нине литературной критики, столь очевидно формирующей региональный литературный процесс.

Все эти войны свидетельствуют также и — главным образом — об отсутствии интереса у литературного руководства области и у газеты к самой художественной литературе. Очевидный идеологический диктат, который осуществлялся в газете и с помощью газеты, делал несостоятельным любой возможный разговор о художественности и литературном мастерстве. Стоит ли говорить, что шедевров на Урале в начале 1930-х гг. так и не появилось, а сам Урал так и не стал тем литературным центром, о котором мечтало одержимое экспансионистскими идеями руководство СП.

Свердловская газета просуществовала до марта 1933 г. и перестала функционировать, когда процесс перестройки региональных литорганизаций окончательно оформился (в последнем номере газеты опубликован устав ССП), а запрос на мобилизацию ударников на предприятиях и руководством литкружками уже не был, как прежде, острым. Центральным печатным органом в регионе остался журнал «Штурм». Кроме того, магнитогорский журнал «Буксир» еще с 1932 г. получил то же самое название, что и свердловская газета. Без Магнитострой литературы Урал не остался.

Список литературы

Боголюбов К. Годы и встречи. Воспоминания. Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1975. 127 с.

Быстрова О.В. «История фабрик и заводов»: по материалам переписки М. Горького и Н. Шушканова // М. Горький: уроки истории : Горьковские чтения 2014 года : материалы XXXVI междунар. науч. конф. Н. Новгород : ООО «БегемотНН», 2016. С. 14–24.

В порядке дня. С заседания оргкомитета // За Магнитострой литературы. 1933. № 3 (22).

Горький М. История фабрик и заводов // Правда. 1931. 7 сент.

Добренко Е. Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М. : Новое лит. обозрение, 2011. С. 142–206.

Ермилов В. За плехановскую ортодоксию // С кем и почему мы боремся. М. ; Л. : Земля и фабрика, 1930.

Ладейщиков А. Лицом к конкретной критике // За Магнитострой литературы. 1932. № 1, 28 апр.

Милюкова Е.В. Культурное самоопределение провинции в самодельной литературе Южного Урала советского периода : дис. ... канд. культурологии / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. : [б. и.], 2006. 300 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kulturnoe-samooopredelenie-provintsii-v-samodeyatelnoi-literature-yuzhnogo-urala-sovetskogo-p> (дата обращения: 12.02.2018).

На высший этап // За Магнитострой литературы. 1932. № 1, 28 апр.

Об издании «Истории заводов». (Утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) 10 окт. 1931 г.) // Рос. гос. архив соц.-полит. истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 853. Л. 12.

Постановление Секретариата Уралобкома ВКП (б) от 4 января 1932 года о решении фракции УралАПП // Объединенный музей писателей Урала. Фонд И. С. Панова. Оп. 1. Д. 32. Л. 69. См. то же: Штурм. 1932. № 1. С. 1.

Урал должен стать опорным пунктом работы всего Союза советских писателей // За Магнитострой литературы. 1932. № 11, 16 сент.

Харитонов Н. Оправдать звание ударников Магнитостроя литературы // Штурм. 1932. № 1. С. 4–9.